

ДВА САМОЗВАНЦА
(К вопросу о публикации
«Бориса Годунова» Пушкина)

ПАВЕЛ РЕЙФМАН

Когда император Николай I пожелал стать *единственным* цензором произведений Пушкина и получил через Бенкендорфа рукопись «Бориса Годунова» (далее в тексте — БГ), он распорядился поручить «кому-нибудь верному, чтобы дело не распространялось», сделать выписки из трагедии (подразумевалась и оценка) [Лемке: 474]. Не исключено, что поручение Николая в какой-то степени было вызвано и неуверенностью его в возможном качестве своего первого цензорского отзыва. Бенкендорф, судя по всему, передал «Годунова» на отзыв Булгарину, который и составил «Замечания на Комедию о царе Борисе и Гришке Отрепьеве»¹ в первой половине декабря 1826 г.

Ответ на важный вопрос об авторе «Замечаний...» не так прост, как может показаться на первый взгляд. В статье «Кто был цензором “Бориса Годунова”?» Г. О. Винокур отметил, что «устная традиция в среде пушкинистов называла автором “Замечаний” Булгарина», хотя текст по внешним данным (почерку) не давал оснований для безусловной атрибуции. Императору была подана каллиграфическая писарская копия, на которой сохранилась надпись Николая I: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если б с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть или роман на подобие Вальтер Скотта». Переходя к детальному анализу содержания «Замечаний...», Винокур делает вывод, что их ав-

¹ «Замечания...» хранятся в Пушкинском Доме, в делах III Отделения, касающихся Пушкина. Материал об этом довольно подробно изложен и в комментарии к VII тому академического собрания Пушкина [Пушкин 1935], также см.: [Виролайнен и др.: 127–130].

тором «и цензором пушкинской трагедии был Булгарин» [Винокур: 214]. Первая часть вывода не вызывает сомнения; вторая, по-моему, требует некоторых уточнений.

Следует сказать несколько слов об отношениях Пушкина и Булгарина. До начала 1830-х гг. они были относительно мирными, по крайней мере, не враждебными (и в личном плане, и в литературных откликах Булгарина на «Бахчисарайский фонтан», вторую главу «Онегина»). Но в случае с БГ Булгарин, видимо, понимал, чего от него ждут. Позиция царя была не совсем ясна, Бенкендорф же, который поручил Булгарину отзыв о трагедии, Пушкину вряд ли симпатизировал. Его, кроме прочего, раздражало чтение Пушкиным у друзей БГ и то, что поэт не ответил на его письмо по этому поводу от 22 ноября 1826 г.

В «Замечаниях...» могла сказаться и зависть Булгарина к благожелательности, которую высказал Пушкину царь. Да и БГ, вероятно, на самом деле Булгарину не нравился, для чего имелись основания. Трагедия Пушкина никак не укладывалась в привычные представления о том, каким должно быть драматическое произведение. Булгарин решил написать крайне отрицательный отзыв, сохраняя видимость объективности.

Напомню содержание «Замечаний...». В них утверждалось, что «в сей пиесе нет ничего целого», это отдельные сцены или, лучше сказать, отрывки из X и XI тома «Истории государства Российского», сочинения Карамзина, переделанные в *разговоры* и *сцены* [Рейтблат: 91]. Булгарин отмечал, что «все оттуда позаимствовано»: характеры, происшествия, мнения. Далее речь шла о «духе целого сочинения». Он признавался монархическим, «ибо нигде не введены мечты о свободе, как в других сочинениях сего автора» [Там же: 92]. По мнению рецензента, «Литературное достоинство гораздо ниже, нежели мы ожидали»; и вновь речь шла о подражании Вальтер Скотту: «Кажется, будто это состав вырванных листов из романа Вальтера Скотта! <...> Все подражание от первой сцены до последней» [Там же].

Далее следовали «Выписки из комедии о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве», излагался «Ход пиесы», ее содержание, приводился перечень действующих лиц, цитировались шесть

отрывков, которые предлагалось исключить или смягчить, в том числе беседа царя с юродивым, монолог Бориса о народе и власти, монолог Пушкина из сцены с Шуйским, где «царская власть представлена в ужасном виде», сцена в корчме, где «монахи слишком представлены в развратном виде» [Рейт-блат: 92]. Перечислив «недостатки» трагедии, Булгарин приходил к неожиданно мягкому выводу: «За сими исключениями и поправками, кажется, нет никакого препятствия к напечатанию пьесы. Разумеется, что играть ее невозможно и не должно; ибо у нас не видывали патриарха и монахов на сцене» [Там же: 93]. Судя по тональности основного текста «Замечаний...», они ориентированы скорее не на *переделку* трагедии, а на ее *запрет*, о чем писать составитель отзыва все же не стал.

Через несколько дней после получения «Замечаний...» Бенкендорф передал их царю, одновременно с рукописью БГ и запиской Пушкина «О народном воспитании». В сопроводительной докладной записке высказывалось мнение Бенкендорфа: «Во всяком случае эта пьеса не годится для сцены, но с немногими изменениями ее можно напечатать; если Ваше величество прикажете, я ее ему верну и сообщу замечания» [Лемке]. Бенкендорф в вежливой форме как бы подсказывал Николаю, как ему поступить. Следует обратить внимание на то, что ни Булгарин, ни Бенкендорф не предлагали переделать трагедию в духе Вальтера Скотта, о чем идет речь лишь в приведенной выше резолюции царя. Они, возможно, думали, что само содержание отзыва приведет к запрещению БГ.

Не исключено, что уже при чтении трагедии, составлении «Замечаний...» или немного позднее у Булгарина возникла мысль самому написать роман в духе Вальтера Скотта, с использованием пушкинского замысла, отдельных эпизодов, ситуаций, но в целом, по выводам и задачам, противопоставленный Пушкину. Булгарин, вероятно, был уверен, что он напишет лучше, правильнее, избегнув недостатков БГ (см.: [Альтшуллер: 110, 118])². Если резолюция Николая стала известна

² М. Г. Альтшуллер убедительно проанализировал романы Булгарина, сопоставляя их с произведениями Вальтера Скотта. Затро-

рецензенту, его решение написать роман на тему БГ становится еще более вероятным.

В 1829 г. Булгарин заканчивал роман «Димитрий Самозванец» (далее в тексте — ДС). За несколько месяцев до его появления был опубликован роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», выдержанный в духе официального патриотизма и сделавший автора создателем первого русского исторического романа. «Юрий Милославский» имел успех у читателей, его с оговорками хвалил Пушкин в «Литературной газете», о нем одобрительно отзывался Жуковский: достаточно для того, чтобы Булгарин, претендовавший на роль *первого*, стал врагом Загоскина. В 7–9 номерах «Северной пчелы» за 1830 г. появились резко отрицательные статьи о «Юрии Милославском». Их автор, Булгарин, возможно надеясь на покровительство Бенкендорфа, не опасался последствий, но в данном случае попал впросак. Роман понравился царю, нападки Булгарина на Загоскина вызвали неодобрение императора; тот приказал Бенкендорфу «унять Булгарина».

Сделать ему внушение поручили фон Фоку, заместителю шефа III Отделения, который посоветовал смягчить критику. Но Булгарин вновь напечатал резкую статью о романе, на этот раз не называя имени Загоскина. Разгневанный Николай высказал возмущение Бенкендорфу. Тот после разговора с царем отправил на гауптвахту... Греча (за то, что не удержал Булгарина от публикации статей о Загоскине). Одновременно арестовали и Булгарина [Лемке].

Возник скандал и в связи с трагедией Пушкина, все еще не опубликованной. Между ней и романом Булгарина оказалось немало сходного. В изображении Смутного времени Пушкин и Булгарин ориентировались, не скрывая этого, в основном, на X и XI тома «Истории Государства Российского» Карамзи-

нул он и проблему соотношения булгаринского «Димитрия Самозванца» с БГ Пушкина. Высоко оценивая книгу, соглашаясь с общей концепцией исследователя и большинством его частных наблюдений, я полагаю, что в ряде случаев можно высказать некоторые альтернативные предположения.

на. Пушкин посвятил Карамзину свою трагедию, «сей труд, гением его вдохновенный» [Пушкин 1977–1979: V, 187]. Булгарин, подчеркивая связь с Карамзиным, напечатал вторую главу X т. «Истории Государства Российского» как приложение к первой-второй частям ДС. Оба преувеличивали свою эрудицию. Пушкин ссылался на изучение «старых наших летописей» [Там же: VII, 114], в то время ему мало знакомых; Булгарин в Предисловии к первому изданию писал о проделанном тяжелом труде, обращении к книгам на разных «иноземных наречиях», шведским хроникам. Даже «предпочитаемые ссылки» на Карамзина Булгарин объяснял не только своим уважением к знаменитому писателю, но и тем, что тот более известен в России, в отличие от многих других источников, использованных Булгариным, но им не называемых [Булгарин 1830]. Булгарин писал о Карамзине, о Вальтере Скотте, в одном месте даже привлек в свою защиту Мильтона, но о БГ Пушкина не упоминал ни словом, чем по сути начал полемику — в то время, когда ДС еще не был напечатан и никто Булгарина в *заимствованиях* не обвинял.

Полемика проявлялась не только в нарочитом замалчивании имени Пушкина в предисловии, но и в ином объяснении появления самозванца, в отрицании возможности в начале XVII в. *такой* любви, какая изображена в БГ, в ряде деталей на всем протяжении романа. Булгарин все время как будто утверждал: у меня совсем другое, чем у Пушкина; тем не менее, даже в его отмежевании ощущалась ориентация на пушкинскую пьесу.

Карамзин, на которого ориентировались Пушкин и Булгарин, излагал события как историограф, в их последовательности и полноте, не ставя перед собой задачи создания художественных образов, слияния истории и вымысла. Эпизоды, связанные с самозванцем, для Карамзина важны, но не являются единственным предметом его внимания. Именно Пушкин отобрал из материала, приводимого Карамзиным, нужное для трагедии, превратил отобранное в цельный замысел, законченный художественный сюжет. По такому же пути пытался следовать Булгарин, хотя не всегда удачно.

Вопрос о соотношении ДС и БГ не сводится к тому, мог ли Булгарин брать материал для своего романа непосредственно из «Истории...» Карамзина, минуя Пушкина. Речь идет об ином: Булгарин знает «Годунова», чтение Карамзина не может у него не преломляться через призму чтения Пушкина; он обращает внимание на то, что отобрано Пушкиным, берет из Карамзина и другие эпизоды, но на использованные в БГ откликается в первую очередь. В дальнейшем он будет не только рьяно отмежевываться от подражания Пушкину, но станет намекать, что сходство — результат влияния ДС на БГ.

Роман Булгарина поступил в продажу в феврале 1830 г. А 18 февраля того же года автор «Самозванца» отправил Пушкину письмо:

Милостивый государь Александр Сергеевич! С величайшим удивлением услышал я от Олина, будто вы говорите, что я *огранил* вашу трагедию «Борис Годунов», переложил *ваши стихи* в прозу и взял из *вашей трагедии* сцены *моего* романа! Александр Сергеевич! Поберегите свою славу! <...> Я не читал вашей трагедии (в том честью уверяю <...>), кроме отрывков печатных, а слышал только о ее составе от читавших и от вас. В главном, в характере и действии, сколько могу судить по слышанному, у нас совершенная *противоположность*... [Пушкин: XIV, 67].

Не исключено, что письмо Булгарина — ответ на обвинения его Пушкиным в плагиате и ссылка на В. Н. Олина соответствует действительности. Хотя до сих пор неизвестно, что сказал Олин Булгарину (и сказал ли?), что слышал Олин от Пушкина, да и говорил ли что-либо при Олине поэт об авторе «Самозванца» [Винокур]. По моему мнению, вероятней другая версия: Булгарин заранее предвидел возможность пушкинских обвинений и подготовился к ответу на них. В его письме правдой было лишь одно — «совершенная *противоположность*» БГ и ДС. Читателю 1830 г. последний стал известен ранее первого; намек на то, что *подражал* Пушкин, мог показаться правдоподобным.

Между прочим, Булгарин, вероятно, не случайно принял статью Дельвига в «Литературной газете» [Дельвиг] за пушкинскую: по его представлению, именно Пушкин, прочитав

«Самозванца» и обнаружив реминисценции из «Годунова», должен был так реагировать на роман. Намекая еще до публикации БГ, что Пушкин его обокрал, Булгарин невольно разоблачал себя: ведь он не мог знать, что содержится в ненапечатанном произведении, которого он, по его словам, не читал.

Опережением пушкинского нападения была и резкая статья Булгарина о седьмой главе «Евгения Онегина», опубликованная в №№ 35 и 39 «Северной пчелы»: «Ни одной мысли в этой водянистой VII главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения! Совершенное падение, *chûte complète*» [Пушкин в критике: 232]. Булгарин писал: «Поэт взял обильную дань из *Горя от ума*, и, просим не прогневаться, из другой известной книги» (т.е. из романа Булгарина «Иван Выжигин») [Там же: 235]. В статье содержался намек, что такого рода *заимствования* вообще характерны для Пушкина, в том числе для БГ. Не случайно «Литературная газета» иронизировала по этому поводу: «Обвиним Пушкина и в другом, еще важнейшем похищении — он многое заимствовал из романа *Димитрий Самозванец*, удачно, с искусством ему свойственным, украсил свою историческую трагедию “Борис Годунов”, хотя тоже, по странному стечению обстоятельств, им написанную за пять лет до рождения исторического романа г. Булгарина» (цит. по: [Винокур: 205]).

В отличие от Булгарина, Пушкин не вступал в публичную полемику по поводу ДС, хотя, вероятно, не скрывал своего мнения о романе. Его точка зрения отразилась в статье Дельвига, опубликованной в «Литературной газете» [Дельвиг]. Возможно, в пушкинском «Наброске предисловия к “Борису Годунову”» имелся в виду Булгарин, распространяемые им слухи, но выпад был замаскирован: «*Не смущаемый никаким иным влиянием* <курсив мой. — П. Р.>, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении планов, Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени. Источники богатые!» [Пушкин 1977–1979: VII, 114–115].

Об использовании Булгариным БГ Пушкин писал в статье «Опровержение на критики», отзываясь с иронией об оценке VII главы «Евгения Онегина» в «Северной пчеле»: «г. Булгарин не сказал бы, что описание Москвы взято из “Ивана Выжигина”, ибо г. Булгарин не сказывает, что трагедия “Борис Годунов” взята из его романа» [Пушкин 1977–1979: VII, 123]. Опасаясь, что его трагедия не будет иметь успеха, Пушкин замечал:

К тому же главные сцены уже напечатаны или искажены в чужих *подражаниях*. Раскрыв наудачу исторический роман г. Булгарина, нашел я, что и у него о появлении Самозванца приходит объявить царю кн. В. Шуйский. У меня Борис Годунов говорит наедине с Басмановым об уничтожении местничества, — у г. Булгарина также. Всё это драматический вымысел, а не историческое сказание [Там же: 127].

Вероятно, в данном случае Пушкин преувеличивал возможное влияние публикации романа Булгарина на восприятие современниками БГ. Трагедия на самом деле была встречена без энтузиазма; как писал в «Северном Меркурии» М. А. Бестужев-Рюмин:

«Бориса Годунова»
Он выпустил в народ
Убогая обнова,
Увы, на Новый год.

Однако разочарование читателей вряд ли определялось тем, что ДС напечатан раньше. Причина, вероятно, была другой: трагедия Пушкина слишком опережала свое время.

Особенно отчетливо отношение Пушкина к роману Булгарина отразилось в статье «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», в *китайском* отрывке:

Недавно в Пекине случилось очень забавное происшествие. Некто из класса грамотеев, написав трагедию, долго не отдавал ее в печать — но читал ее неоднократно в порядочных пекинских обществах и даже вверял свою рукопись некоторым мандаринам. Другой грамотей (следуют китайские ругательства) или подслушал трагедию из прихожей (что, говорят, за ним важивалось),

или тихонько взял рукопись из шкатулки мандарина (что в старину также с ним случалось) и склеил на скору руку из довольно нескладной трагедии чрезвычайно скучный роман. Грамотей-трагик, человек бесталанный, но смиренный, поворчав немного, оставил было в покое похитителя, но грамотей-романист, человек ловкий и беспокойный, опасаясь быть обличенным, первый стал кричать изо всей мочи, что трагик Фан-Хо обокрал его бесстыдным образом [Пушкин 1977–1979: VII, 140].

Набросок и две статьи, названные выше, при жизни Пушкина не печатались; в начале 1830-х гг. Булгарин их не знал; они не могли повлиять на полемику, но отражают уверенность Пушкина в знакомстве автора «Самозванца» с ненапечатанной трагедией и использовании ее в романе. Связывал ли поэт *информированность* Булгарина с конкретными лицами? Вполне возможно: ведь до публикации «Годунова» его мог читать только Бенкендорф и царь (еще М. П. Погодин, но его Пушкин не подозревал).

Не ставя перед собой задачи анализа и оценки ДС, остановлюсь лишь на со- и противопоставлении некоторых близких мест в трагедии Пушкина и романе Булгарина. При этом я учитываю, что оба литератора ориентировались на Карамзина, читали В. Скотта, могли использовать *бродячие сюжеты*³. О безусловных выводах в данном случае говорить вряд ли возможно, но все же иметь в виду результаты сопоставления небесполезно, помня о том, что Пушкин, создавая «Годунова», не мог знать о ненаписанном «Самозванце», а Булгарин хорошо знал «Годунова».

Трагедия Пушкина ориентирована, в основном, на вторую главу XI т. «Истории...» Карамзина, ДС — на вторую–четвертую. Из материалов, приведенных историографом, Пушкин использует далеко не все. Он не пересказывает Карамзина. Пушкинские лаконичные, точечные сцены кажутся на первый взгляд не связанными друг с другом (Булгарин называл их

³ Большинство приведенных ниже сопоставлений основано на материале, в «Истории государства Российского» (см.: [Карамзин]) отсутствующем.

растрепанные). Нарушается единство времени; действие переносится с одного места в другое, при сохранении его единства. Получается как бы пунктирное изображение, создающее в сумме цельную художественную картину. Читатель должен дополнять недомолвки своим знанием происшедших событий. В то же время каждая сцена связывалась с предыдущей и последующей. Трагедия получилась в высшей степени лаконичной и динамичной. Поэт создает характеры в духе Шекспира, сложные и противоречивые, с сильными страстями — не злодеев и не образцов добродетели.

Иное у Булгарина. ДС построен на подробном пересказе событий, на перечислении как основном способе развития сюжета (сообщается, например, о всех лицах, награжденных самозванцем, о предметах сокровищницы Бориса, убранстве замков польских вельмож, их пиров). Дельви́г считал такие перечисления одним из недостатков романа. М. Г. Альтшуллер видит в них относительную удачу Булгарина: «В таких описаниях он был гораздо сильнее, чем в изображении человеческих характеров» [Альтшуллер: 117]. Последнее верно, но в целом они роман не украшают. Персонажи «Самозванца» неоднократно рассказывают длинные истории, замедляющие развитие действия. В романе растягиваются не только лаконичные реплики Пушкина, но и немногословные описания Карамзина (например, путь самозванца при бегстве из Москвы, встреча с разбойниками, поездка в Сечь и взятие Трапезунда, жизнь в Киеве и т.п.). Автор считает нужным сообщать о деталях биографии второстепенных персонажей. Он любит ультраромантические кровавые сцены, соответствующие вкусам массового читателя. В итоге получается механическая смесь (а не органическое слияние, как у Вальтера Скотта, которому Булгарин подражает) исторического материала и авторского вымысла, «часто оскорбляющего чувство приличия» [Дельви́г: 219], хотя в какой-то степени и занимательного.

Особенностью ДС является большое количество диалогов; они, особенно в четвертой части, «превращаются в многостраничные почти самостоятельные драматические сцены, чего не встречается даже у Скотта» [Альтшуллер: 112]. Вероятно, эта

особенность определяется влиянием не только романов В. Скотта, но и драматического произведения — трагедии Пушкина.

БГ начинается и заканчивается проблемой народной оценки событий. Во второй и третьей сцене народ — единственное действующее лицо; в первой и четвертой он все время упоминается. Через всю трагедию проходит мотив народного мнения. У Карамзина и народ, и бояре при избрании Бориса ликуют. У Пушкина в начале трагедии народ безразличен, а бояре начинают плести интригу.

У Булгарина в начале романа, до пятой главы, народ отсутствует. Далее он — постоянный участник действия, что отмечено даже в названиях глав: «Народные толки», «Мнение народное о счастливец», «Волнение народа <...> Месть народная». И, наконец, заключение: «Мнение народное». Как и у Пушкина, в связи с мотивом народа, возникает топос «Красная площадь»: «На Красной площади пылали костры», «На Красной площади было <...> множество народа».

Булгарин, как правило, не желает приукрашивать народ (ср. образы разбойников Хлопка-Косолапа, запорожцев, атамана Ангелика). В предисловии к роману автор отмечает, что в начале XVII в. русский народ был именно таким, но уже тогда отличался «беспредельной, беспрекословной преданностью царю, к православию и к отечеству»; поэтому народ поддерживал Самозванца, видя в нем законного наследника.

Однако национализма в духе «официальной народности» в романе Булгарина почти нет: поляки изображены не «злыми коршунами», чванливыми, наглыми и корыстолюбивыми; они — разные, во многих случаях вызывают уважение («Тайный совет Сигизмунда III»), более европеизированы, чем русские.

В БГ народ другой — он не идеализирован, но и не изображен нарочито грубым. Менее всего он думает о *беспрекословной преданности царю*; у него свои интересы и собственная нравственная оценка:

... Попробуй самозванец
Им посулить старинный Юрьев день,

Так и пойдет потеха

.....

Всегда народ к смятенью тайно склонен

[Пушкин 1977–1979: V, 223, 268].

В описании народа Булгарин подчеркивает непохожесть своего романа на БГ. Тем не менее, предпоследняя глава, изображение бунта против самозванца напоминает концовку пушкинской трагедии. Даже безмолвствующий народ в ней появляется.

У Пушкина: «(*народ в ужасе молчит*) <...> кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович! Народ *безмолвствует*» [Там же: 280].

У Булгарина: «Да здравствует царь Василий Иванович!», — призывают сторонники Шуйского. «Народ молчал и как будто оцепенел». У Пушкина приведенные слова завершают трагедию, у Булгарина за ними следует славословие дому Романовых.

Ориентация Булгарина на Карамзина, Вальтера Скотта и Пушкина отражается в обрисовке Лжедмитрия и Бориса. Пушкин создает эти характеры в духе Шекспира. Булгарин также пытается сделать своих персонажей не однолинейными. Следуя Карамзину, он не пропускает почти ни одной детали, использованной в БГ, но в то же время старается быть непохожим на Пушкина. У Булгарина Лжедмитрий — злодей. Он совершает ряд преступлений (убивает собственноручно шпиона Андреяна Тулупова, закалывает Якова Пыхачева, грозящего его разоблачить, бросает в воды Днепра беременную от него Калерию). Кинжал (или большой нож), черная ряса и клобук являются его постоянными атрибутами. Ср. у Пушкина:

... я бедный черноризец; <...>

Под клобуком, свой замысел отважный

Обдумал я

[Там же: 243].

(*Григорий вдруг вынимает кинжал <...>*) [Там же: 218].

Главное преступление самозванца, по Булгарину, — стремление стать незаконным царем, изменить православной вере. Как воспитанник иезуитов, самозванец считает, что все средства хороши для достижения цели. У Карамзина сообщается много

деталей о связи самозванца с иезуитами. Булгарин щедро вводит их в роман, учитывая то, что взял у Карамзина Пушкин. Особенно выделены два эпизода: находка бумаг, якобы удостоверяющих право самозванца на престол, и его обещание заменить в России православие католичеством. В БГ о находке бумаг говорит Пушкин, дядя Гаврилы, рассказывая Шуйскому о появлении самозванца:

... что он слугою был
У Вишневецкого, что на одре болезни
Открылся он духовному отцу,
Что гордый пан, его проведав тайну,
Ходил за ним <...>.

Латинские попы

С ним заодно. Король его ласкает

[Пушкин 1977–1979: V, 221–222].

О замене православия католичеством идет речь в начале сцены «Краков. Дом Вишневецкого. Самозванец и pater Черниковский»:

С а м о з в а н е ц

<...>

Ручаюсь я, что прежде двух годов

Весь мой народ, вся северная церковь

Признают власть наместника Петра [Там же: 232].

В романе упоминаемые выше эпизоды занимают много места. Одновременно, стараясь, видимо, еще раз продемонстрировать знакомство со многими источниками и независимость от Пушкина, Булгарин присоединяется к версии митрополита Платона, считавшего, что самозванец не беглый чернец, а ставленник иезуитов, которого готовили много лет к его роли.

Любовной сцены самозванца с Мариной Мнишек у Карамзина нет, хотя о Марине несколько раз в «Истории...» говорится. У Пушкина сцена в саду, с точки зрения художественного замысла, — одна из центральных, образец пушкинского психологизма. Она подготавливается в предыдущих сценах: самозванец говорит об остановке на три дня в Самборе:

Прелестную Марину я надеюсь
Увидеть там [Пушкин 1977–1979: V, 233].

Затем Мнишек с Вишневецким беседуют о том, как Марина очаровала самозванца; Марина назначает ему свиданье:

Да, ввечеру, в одиннадцать часов,
В аллее лип, я завтра у фонтана [Там же: 237].

Наконец следует сцена «Ночь. Сад. Фонтан», с чрезвычайно тонким, меняющимся психологическим рисунком. Далее в БГ Марина не упоминается.

В романе Булгарина о Марине рассказывается весьма подробно, от первого появления ее до расправы народа с самозванцем. В последней части романа она приезжает в Россию, становится царицей, собирает самых знатных боярынь с дочерьми на вечеринку, учит их европейским правилам поведения («... Женская вечеринка у Марины»). Самозванец в романе не любит Марину, не открывает ей тайны своего происхождения. Булгарин (имея, судя по всему, в виду сцену у фонтана в БГ) считает, что *такой* любви в России начала XVII в. вообще не знали (снова — противопоставление Пушкину). Тем не менее, в романе изображены два свидания в саду. Второе Марина устраивает, делая самозванца свидетелем ее объяснения с влюбленным в нее Осмольским.

Изображая самозванца, в основном, как злодея, Булгарин, вслед за Пушкиным, наделяет его рядом положительных черт: он смел, умен, хорошо образован, красноречив, не кровожаден; рискуя жизнью, спасает своего товарища по школе Бучинского, убеждает атамана Ангелика во время нападения запорожцев на Трапезунд пощадить турецких детей, не проливая крови женщин и стариков. В момент гибели он ведет себя достойно, уговаривает Басманова спастись, оставив его.

Пытаясь следовать за Пушкиным, Булгарин стремился усложнить и образ Годунова. Борис в романе — не только злодей. Он наделен положительными качествами: любит своих детей, особенно Феодора, помогает народу во время голода, сторонник просвещения. В начале седьмой главы дается высокая оценка личности Годунова: «Царь Борис Федорович был

выше своего века умом и познаниями в науке государственной, и твердостью характера превосходил всех знаменитых россиян, своих современников». Но авторская характеристика в романе не подтверждается действиями Бориса. Нечистая совесть, страх превращают его в тирана. Уже во второй главе возникает мотив страха: ночные московские улицы, перегороженные рогатками; атмосфера всеобщей боязни: «У нас, в самом деле, кажется, что ветры имеют уши для подслушивания, и язык для доносов»; собравшиеся в доме Булгакова боятся сказать лишнее слово, все друг другу не доверяют: «В нынешнее время — добра не ждать <...> Ныне казнят не за измену, а по одному подозрению в измене».

Ср. у Пушкина:

<...> он правит нами,
 Как царь Иван (не к ночи будь помянут)
 [Пушкин 1977–1979: V, 222].

Там говорить не слишком ныне смеют.
 Кому язык отрежут, а кому
 И голову <...>
 Что день, то казнь. Тюрмы битком набиты.
 На площади, где человека три
 Сойдутся — глядь — лазутчик уж и вьется,
 А государь досужною порою
 Доносчиков допрашивает сам.
 Как раз беда, так лучше уж молчать [Там же: 262–263].

У Булгарина страх Бориса, неуверенность в будущей судьбе рождает веру в предсказания, прорицания: «он, наравне с другими, верил в чародейство, в предзнаменования и во влияние тел небесных на участь людей и целых народов». Мотив прорицания занимает в романе важное место. Борис заставляет самозванца, переодетого в монаха-лекаря, толковать его вещий сон. Мотиву предсказания посвящена почти целиком седьмая глава, в названии которой стоит слово «чародейство». В ней подробно описывается гаданье мнимой прорицательницы Федосьи, имеющее существенное значение для дальнейшего развития сюжета

Напрашивается сравнение с пушкинской сценой «Царские палаты», с монологом Бориса и диалогом двух стольников:

Напрасно мне кудесники сулят
Дни долгие, дни власти безмятежной
[Пушкин 1977–1979: V, 208].

Второй <стольник>:
В своей опочивальне
Он заперся с каким-то колдуном.

Первый <стольник>:
Так, вот его любимая беседа:
Кудесники, гадатели, колдуньи. —
Всё ворожит, как красная невеста.
Желал бы знать, о чем гадают он? [Там же: 207]

Приведу еще несколько сопоставлений, лишь называя их:

- встреча Бориса с юродивым Николкой (в «Истории Государства Российского» ее нет) — кликуша Матрена с ее предсказаниями: «За каждую капельку углицкой крови заплатите реками крови»;
- мамка царевны в сцене «Царские палаты» — нянька царевны в романе Булгарина;
- сын Курбского в БГ — встреча в романе самозванца с Курбским.

Кратко остановлюсь, завершая разговор о ДС, на изображении в трагедии и романе предков поэта Гаврилы Пушкина и его дяди. В сценах «Москва. Дом Шуйского» и «Ставка» они играют существенную роль, выражая важные идеи трагедии:

Такой грозе, что вряд царю Борису
Сдержат венец на умной голове... [Там же: 222].

Но знаешь ли чем сильны мы, Басманов... [Там же: 275].

Булгарин на протяжении большей части романа все подобные сцены опускает. Гаврила Пушкин появляется почти в самом конце, возглавляя вместе с Плещеевым «буйную толпу», идущую из Красного села в Москву. Гаврила у Булгарина — персонаж явно отрицательный. Он читает на Лобном месте грамоту самозванца, призывает народ к мятежу: «— Держите из-

менников! Гибель Годуновым и их клеветам!»; «...Пушкин <...> и другие зачинщики крамолы скакали на конях по городу и приглашали всех присягать на верность Дмитрию, угрожая слушникам смертью». Описание дано по Карамзину, но с усилением отрицательной тональности. Так заканчивает автор «Самозванца» полемику с потомком Гаврилы, поэтом Александром Пушкиным.

Не ставя задачи подробного сопоставления ДС с БГ, не сомневаясь в том, что Булгарин использовал в романе знакомство с пушкинской трагедией, перейду вновь к вопросу о В. Скотте. В своей содержательной и убедительной книге «Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов» М. Г. Альтшуллер объясняет требование Николая I переделать трагедию в роман тем, что Вальтер Скотт нравился царю, и тот «почитательски простодушно захотел увидеть русский исторический роман на манер Вальтера Скотта» [Альтшуллер: 111].

Предположение о *простодушии* императора вызывает сомнение. Слишком категорично требовал царь переделки трагедии в роман, запрещая печатать БГ. Вряд ли столь важным оказалось для него мимоходом брошенное замечание Булгарина, которого Николай не любил. Грубая лесть могла раздражать императора. ДС ему не понравился, царю, видимо, трудно было дочитать роман до конца, несмотря на рекомендации Бенкендорфа: «Если бы Ваше Величество прочли это сочинение, то вы нашли бы в нем много очень интересного и в особенности монархического, а также победу легитимизма. Я бы желал, чтобы авторы, нападающие на это сочинение, писали в том же духе» [Лемке: 499]. Выгораживая Булгарина, оправдывая его нападки на Пушкина, Бенкендорф говорил Николаю, что на автора «Самозванца» тоже нападают: он, дескать, вынужден отвечать. В подтверждение шеф жандармов послал царю статью Дельвига о ДС. Царь ответил, что ознакомился с ней и, прочитав два тома романа Булгарина, начав третий, должен признаться, что статья кажется ему справедливой: «история, лежащая в основе “Самозванца”, сама по себе более чем омерзительна, не стоит украшать ее отвратительными легендами и ненужными для интереса главных событий

подробностями» [Лемке]. Тем не менее, через некоторое время Николай, видимо, не без вмешательства Бенкендорфа, наградил Булгарина за «Самозванца» перстнем с бриллиантами, что вряд ли означало коренное изменение его мнения о романе.

Вскоре трагедия Пушкина была разрешена к печати, хотя автор ее не переделал в роман в духе Вальтера Скотта. Тема самозванца, незаконного царя, убийства законного наследника могла восприниматься, как излишне острая, особенно в первые годы царствования Николая. Ведь и он оказался на троне с нарушением законов престолонаследия.

В момент чтения БГ, в конце 1826 г., сразу после освобождения Пушкина из ссылки, беседы с ним, царь относился к поэту с наибольшим благоволением, и маловероятно, что хотел его обижать (позднее бывало всякое). Но и разрешить трагедию Николай счел тогда неуместным. Упоминание в «Замечаниях...» Вальтера Скотта в таком случае оказалось прекрасным поводом отложить публикацию БГ на неопределенное время, не запрещая ее.

К 1830-м гг. многое изменилось. В письме к Бенкендорфу от 16 апреля 1830 г., переданном царю, после чего пьеса была разрешена, Пушкин напоминал историю ее публикации: «Государь, соблаговолив прочесть ее, сделал мне несколько замечаний о местах слишком вольных, и я должен был признать, что его величество был как нельзя более прав» [Пушкин 1977–1979: X, 636; подлинник по-фр.].

Отпустив комплимент своему венценосному читателю, Пушкин далее, по сути, вступал с ним в полемику:

Его внимание привлекли также два или три места, потому что они, казалось, являлись намеком на события, в то время еще недавние <декабрьское восстание. — П. Р.>; перечитывая теперь эти места, я сомневаюсь, чтобы их можно было истолковать в таком смысле. Все смуты похожи одна на другую. Драматический писатель не может нести ответственности за слова, которые он влагает в уста исторических личностей. Он должен заставить их говорить в соответствии с установленным их характером. Поэтому надлежит обращать внимание лишь на *дух, в каком задумано всё сочинение*, на то впечатление, которое оно должно произве-

сти. Моя трагедия — произведение вполне искреннее, и я по совести не могу вычеркнуть того, что мне представляется существенным [Пушкин 1977–1979: X, 636].

Пушкин понимает, что вступает в опасный спор. Он просит царя «простить <...> смелость <...> возражений». О Вальтере Скотте не говорится ни слова. Не возвращается к этому имени и царь. Тема самозванца к началу 1830-х гг. в отношении к Николаю потеряла свое значение, царь согласился с доводами поэта и разрешил печатать «Годунова», не только из-за приводимых Пушкиным «чрезвычайных обстоятельств» (женитьбы). Императору могла понравиться и смелость, с которой Пушкин, как и при первой встрече, защищал свое мнение. Если подобные предположения верны, император, запретив публикацию БГ, а затем разрешив ее, оказался более прозорливым цензором, чем кажется на первый взгляд.

Последняя деталь: Пушкину все же удалось создать в духе Вальтера Скотта лучший русский исторический роман 1830-х гг. «Капитанскую дочку».

ЛИТЕРАТУРА

- Альтшуллер: *Альтшуллер М. Г.* Эпоха Вальтера Скотта в России: Исторический роман 1830-х годов. СПб., 1996.
- Булгарин 1830: *Булгарин Ф. В.* Димитрий Самозванец. СПб., 1830.
- Булгарин 1994: *Булгарин Ф. В.* Димитрий Самозванец. Вологда, 1994.
- Винокур: *Винокур Г. О.* Кто был цензором «Бориса Годунова»? // Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Вып. 1.
- Виротайнен и др.: *Виротайнен М. Н., Фомичев С. А., Лотман Л. М. и др.* [Комментарий] // Пушкин. Сочинения: Комментированное издание. М., 2008. Вып. 2: Борис Годунов.
- Дельви́г: *Дельви́г А. А.* «Димитрий Самозванец». Исторический роман. Сочинение Фаддея Булгарина. 4 части // Дельви́г А. А. Сочинения. Л., 1986.
- Карамзин: *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. М., 1989. Кн. III. Т. IX–XII.
- Лемке: *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература: 1826–1855. СПб., 1908.

- Пушкин 1935: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. [Л.], [1935]. Т. VII: Драматические произведения.
- Пушкин: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937–1959.
- Пушкин 1977–1979: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977–1979.
- Пушкин в критике: Пушкин в прижизненной критике: 1828–1830. СПб., 2001.
- Рейтблат: *Рейтблат А. И.* Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение / Изд. подг. А. И. Рейтблат. М., 1998.